Министерство образования и науки
Российской Федерации
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Философский факультет

INITIA:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(26–27 апреля 2019 г)

Материалы XXI Международной конференции молодых ученых

Томск
2019

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ ВЛАСТНОГО

Н.М. Гурский
Руководитель: д.ф.н. Ладов В.А.
Томский Государственный Университет

Эстетический вид ВЛАСТИ определяется балансом двух родов власти – АРХЕ и КРАТИИ. Один является принципом материнской матрицы и имеет характер экономический – здесь человек властвует согласно накопленной компетенции в каком-то своем умении согласно индивидуальному нраву. Второй выражает подлинно политический принцип – отцовскую программу воли разделенной меж разными индивидами. Недостаток кратии в индивиде обуславливает его желание власти НАД другими. Такими, не вполне самовластными индивидами, создается в обществе «вертикаль власти», подминающая под себя и закон и право, – искажающая их суть. Властвующее здесь дополняет себя силой с ее аппаратом принуждения. Недостаток архе проявляется в специализации умений и предельном разобщении людей как заложников этой специализации. Архетипный строй материнского целого приносится в жертву бесконечному множеству бессодержательных умений. Когда кратия в человеке заполняет его «от пяток до макушки», то такой человек становится вольным, – полновластным – и дорожит волей других, как и своей. Ему нет никакой нужды создавать «вертикаль власти». Он вполне авторитарен и тем властвует – дружелюбно и миролюбиво. Доказывать свою власть силой такому существу не придет даже в голову. Это в полном смысле харизматический властитель. По существу, это и есть «красота» которая спасет мир», красота (право, харизма – как эстетические понятия), воплощенная в суверенном индивиде.

Властное как архе, говорит о изначальности властного. Археология власти начинается с обнажения того «участка земли» – социально-культурных подтекстов – где необходимо совершить «вскрытие», где есть шанс найти особую архитектонику властного. Для людей привычно представлять властное как власть над кем-то и подчинение. Кажется, что «вертикаль власти» сопровождала человека с незапамятных времен. Но, более внимательный взгляд показывает, что подчиняющая власть и есть то, что производит осадок истории, засыпающий подлинную структуру властного как архе. Пробиться к такому архе весьма непростое дело, поскольку все инструменты, включая понятия языка, по преимуществу являются производными от действия второй ветви власти – кратии. Если вглядеться в жизнь первобытных общин, которые кое-где еще сохранились, то можно заметить необычную вещь – в них напрочь отсутствует «вертикаль власти». Старейшины уважаемы, но их возвышение уже есть вторичное действие со стороны тех, кто потерял свой взрослый статус равных (от страха), и пытается восполнить потерю через возвышение Другого. Поскольку другой соглашался с ролью господина, это вызывало быстрый рост подчиненных, безволие которых прикрывалось властным лицом с его инструментами воздействия. Вся история людей, в каком-то смысле, является борьбой за власть, борьбой которая похоронила сам принцип власти как архе. Архе выделяет взрослого индивида через процедуру инициации и каждый взрослый выражает собой архетип. Архетипы от типов отличаются своими суверенными полномочиями. Архетипичное лицо

предельно эстетично, оно властвует не через насилие, но через авторитет эстезиса личной воли.

Говоря об архетипах, мы совсем не имеем в виду некие абстрактные сущности, но вполне конкретные вещи. Например, архетипические личности – это не отвлеченные идеи, но конкретные лица, выражающие собой повелительное архе – в голосе, жесте, взгляде. Более того, мы полагаем, что абстрактного в принципе ничего нет, – все реальное предельно конкретно и выражает единую физическую реальность. Когда мы говорим о структуре реальности, то не вычленяем и не гипостазируем ее как отвлеченную сущность – трансценденцию, абстрактное, метафизическое, – но говорим о способе разбивки реальности и детальном рассмотрении ее. Четырехсторонняя разбивка реальности, это не выделение абстрактного принципа, как у Канта, но РАЗЛИЧЕНИЕ внутри предельно РАЗЛИЧИМОГО. Отсюда – время как различение прошлого (Мы) и будущего (Ты) и властность того, кто способен к такому различению. Властность того, кто обращается к другому ТЫ. Тем открывая дверь в Будущее. И пространство – как различение внутреннего (Я) и внешнего (Они). Дважды двойное различение выявляет фокус – квинтэссенцию индивидуально воли.

Такая «метафизика» – это не запредельная область универсалий, но учение о предельном разграничении конкретного – своеобразная теория границы. Разграничение и есть трансцендентализация вещи относительно другой вещи. Каждая вещь, подобно радужному пятну «расплывается» своей «трансцендентностью из собственной конкретной физической природы. Отсюда – метафорический язык трансцендентного – как обращение своей телесности ко взгляду со стороны другого. Архе выражается как абсолютно эстетическое явление. Эстетика как форма ЧУВСТВОВАНИЯ Другого. Здесь мы должны уточнить свое понимание «чувства» (которое, вообще-то, не понимается, но чувствует). Чувствуют всегда только ЧУЖОЕ, только в отношении к чужому мы проявляем чуткость и предельное внимание. Свое уже не чувствуют, свое – понимают. Освоенное понятно. Например, то что мы видим как свою пищу, мы уже не чувствуем, но преследуем, схватываем, поглощаем. По привычке мы пользуемся понятием «чувства» для определения освоенного – например, описывая красоты природы – но только для прикрытия своей бесчувственности. Реально чувствовать можно исключительно радикально чужое, оттого и возможно чудесное. Говоря о «чужом», мы говорим предельно конкретно – в завершенном радикальном смысле. Этот момент можно усилить через понятие «чуждости». Это тем более актуально, поскольку проблема отчуждения людей друг от друга достигла своей предельной остроты. Отчуждение порождает психозы и онкологию, инфаркты и инсульты. Как же выправить свою жизнь? Вернуть ее к реальному чувствованию, к эстезису чувственного. В сопряжении с собственной суверенной волей (кратией), архе предельного опыта чувствительности дает необходимый баланс существованию человека. Чем нас может интриговать чужое? Именно тем, что оно пробуждает нашу первобытную чувствительность. Звери показывают пример такой чувствительности, реагируя всем своим существом на что-то чуждое. Они еще не стали заложниками абстрактного пространства понимания – понимание еще не отделилось от чувствования.

Покидая мир отвлеченных абстракций и возвращая био–логическую чувствительность своему богатому и изощренному пониманию, мы способны продол-

жить свою историю предельных (о-пределенных) человеческих существ (тех, кто в форме, а не бесформенные и бестолковые идиоты). Либо коллапсировать, – проваливаясь в виртуальное пространство «искусственного интеллекта» – во вселенную Камня. Чуждое интригует тем, что оно опасно, но и любопытно одновременно. Опасно, поскольку заряжено неизвестной волей, любопытно, поскольку только вольное и привлекает здоровую индивидуальность. Если страх перед опасностью пересиливает, индивид делает откат к ментальным конструктам самосохранения, которые структурируют время, переводят его в режим экономии – то есть, подменяют реальную разбивку властвующей индивидуальности на прошлый опыт и будущее на вторичную разбивку, где прошлое и будущее расположены в непрерывности универсалии «времени». Тем аннулируя факт другого Ты. Если пересиливает любопытство, индивид из-обретает Речь – обращение к Другому. Большинство людей пользуются языком, но совершенно не владеют речью. Поскольку такое владение возможно только в опыте предельной чуткости к другому Ты. Иначе – речь превращается в «обороты речи», то есть, элементы языка при полном безмолвии в речи. Разбивка пространства на внутреннее и внешнее также предполагает властность того, кто из внутреннего РОЖДАЕТСЯ наРУЖу и сознает этот факт. Неудачное рождение побуждает создать зонтичное понятие «пространства», в котором находится множество «они», «одним из которых» является собственное «я». Архетипный властитель не создает единое «пространство» для всех, но имеет дело с двумя видами пространства (пространство как метафора) – индивидуального понимания и открытой сингулярности Они, не сводимой к единому роду. Например, «человечности».

В основании любого осмысленного разговора всегда лежит политическое (как половое) – раздельность слов, раздельность индивидов. Таким образом, первый разговор между политическими (разделенными как индивиды) существами должен быть посвящен политическим ориентировкам. Не сказав первой букву А, люди попадают под власть вторичных B, C, D. А тут уж и начало всех трудностей совместного бытия. Политическое – это сквозная линия не только всего социально-гуманитарного знания, но и естественно-научного. Политичны в своей основе как истина, так и добро и красота. Даже такое «привычное» время выражает некую повелительность в вещах, интенсивность их внутренней жизни. Потому оно напрямую связано с температурным режимом существования. Темперамент, темп, температура – как выражение терминального состояния существ и вещей. Политика времени – единственный вид реальной политики. Сознание различает времена разных индивидов, предваряя тем социальный порядок. Темпус в отличие от линейности природного Хроноса выражается циклическим ритмичным порядком, имеет своеобразный индивидный центр тяготения. Когда человек помещал Землю в центр мироздания, то интуитивно он понимал круговую природу времени, в центре которого индивидная сущность.

Теперь попробуем попробуем пояснить властное начало через категорию «сознание». Сознание не является особой сущностью относительно чувственной реальности, но ее дальнейшим продолжением, – новым способом чувственного постижения. В чем выражается это новое? В разделении чувственной сущности индивида на два плана, где второй видится как бы двойником первого. Обезьяна перед зеркалом. Совмещение первого и второго плана создает новый регистр

чувствования – чувство юмора. Чувство юмора является сущностным определением сознания и его рефлексий. Как чувство юмора связано с властью? Казалось бы, противоположные вещи – серьезная и несерьезная. Отнюдь. Долгое вглядывание в зеркало сознания чревато еще одним открытием – открытием Другого. Что является опытом реального трансцендирования сущностного. Смеющийся Нарцисс – лицо Самовластия – открытие взгляда на самого себя. Такой Архе тип есть власть самсознания. Тебя ведут на расстрел, а ты смеешься – нет более могущественной власти (как архе), нежели у смеющегося. Но это еще не конец истории. СМЕХ, чувство юмора трансцендирует реальность физического существования, разделяет ее на два рода существования – собственный и другого. Разделение «существования» совсем не означает разделения единой реальности, но выявление в ней разных сущих. Сущее делится, реальность при–умножается. Когда же мы раскалываем реальность на физическую и «метафизическую», то тем способствуем только обеднению реальности в оковах единого сущего. Спасибо Канту, жизнь которого складывалась под знаком априорных абстракций такого сущего и была предельно убогой. Реальность не тождественна сущему. Явление другой индивидуальности есть реальный отсыл к исходному референту. Только Другой возвращает нас к самим себе – как таковым. С появлением Другого только и возможно говорить о власти в полном смысле этого слова. С появлением Другого, все то значимое, что накапливалось в индивидуальной памяти связанное с внешним опытом познания, оказывается внутренним ведением – голосом Со-вести. Тогда как наружное пространство, где обитает Другой, проходит под знаком Стыдливости, зависимости от оценок, выводов, решений со стороны Другого. Стыдливость делает нас зависимыми от поведения Другого. Насколько он повелителен, настолько и влиятелен. И здесь видится формальный парадокс – всемогущий архе-тип есть смеющийся Нарцисс, но смех не повелителен, а разрушителен для любой устойчивой и серьезной в своих аргументах повелительности. Если мы заметили принципиальное различие архе и кратии, то легко разрешим этот парадокс. Кратия, возникающая в момент обнаружения в зазеркалье означивания Другого, есть момент нахождения себя в повелительной природе по–совести, в реальности как таковой. Совесть в дискурсе западного образца еще называют «бессознательным», но этот термин неплодотворный, поскольку только провоцирует на «познание бессознательного». Совесть же, непознаваема в принципе и является императивным началом индивидуальной суверенной кратии. Совесть есть неразрушимое внутреннего пространства нашего Я. Подлинность и непререкаемая протяженность нашей совести является единственной правдой нашего властного существования. Правда ни перед кем не склоняет головы, но и никого не побуждает склонять голову перед собой. Она императивно холодна, поскольку стыдлива, то есть, остужена присутствием Другого. Некоторые исследователи полагают, что слово «сердце» и слов «холод» этимологически суть одно слово. Архе тип смеющегося обнаруживает две стороны кратии, а именно Совесть и Стыд, которые в балансе дают тот исключительный вид вполне ответственного человеческого поведения, который мы называем властью по существу ее. Люди без стыда и совести только грезят о власти, озабочены властным как далеким горизонтом идеальных полномочий. Потому они становятся создателями идеологий, значимых норм поведения, в стороне от суверенной автократии образцовых архетипичных лиц. Не с геомет-

рической точки и линейных построений внешнего пространства понимания мы начинаем свою автократию, но с повелительности заключенной в индивидуальных телах, в их соприкосновении друг с другом. Политика таких отношений не отвечает за связь времен – не в ее власти обеспечить преемственность прошлого, настоящего и будущего. За это отвечает индивидуальная совесть, никогда не коллективизируемая, – не превращающаяся в общее понятие. Именно она предвосхищает прошлое, оберегает настоящее и избирает будущее. В направлении будущего мы говорим о поступи политического, в настоящем предъявляем знаки своих авторитарных компетенций, в прошлом опираемся на интуитивное понимание сути происходящего. Прошлое, настоящее и будущее в живом чувственном постижении опираются на весомость нашей Совести, легкомыслие нашего сознания и формы стыдливого, а значит бережного и осторожного, подступа к Другому. У общества нет будущего, если оно присваивает Другого, превращает его в предикат своего коллективного сознания (или подсознания). Люди, которые говорят о «равноправии», «защите прав», чаще всего лгут себе и другим, поскольку опираются не на свой совестливый и стыдливый нрав и индивидуальную волю, но на некую «норму» поведения, якобы «равных» индивидов. Мы полагаем, что явление Индивида, рожденного в опыте признания другого индивида, – весьма неординарное и редкое. Превращать его в массовое, значит множить иллюзии убогого обедненного бытия. Общество дОлжно воспитывать культурой образцовых индивидуальностей, а не абстрактными «нормами» поведения. Под «обществом» мы понимаем здесь не фактический коллектив, но проективное метафорическое единство Равных, проект в направлении к Будущему.